

Ежи Пельтц: В последнее время большой интерес снова стала вызывать личность Наполеона. Я знаю, что советский режиссер Сергей Соловьев собирается снимать фильм о Наполеоне с Робертом Де Ниро в главной роли. Одновременно стало известно, что французская фирма «Телесип» стала инициатором создания многосерийного телефильма «Наполеон и Европа». В серии, посвященной Польше (режиссер серии — Кшиштоф Занусси), пойдет речь об универсализирующей паневропейской концепции Бонапарта и о той роли, которую в этом сыграла Польша. Разумеется, не будет забыт и роман с пани Валуевской. А перед рождественскими праздниками польское телевидение продемонстрировало знаменитый фильм Саши Гитри «Наполеон». Вы наверняка видели его — но у нас он показывался впервые, хотя был создан 33 года назад...

Ежи Кавалерович: Из всего сказанного следовало бы предположить, будто картины о Наполеоне будут, что называется, «бродить стадами» — и вообще «что-то носится в воздухе». Видите ли, Наполеон — это такое имя, которое вновь и вновь привлекает внимание разных поколений в разные времена. Наполеон, о котором создавались и будут создаваться фильмы, — великий император и вождь, государственный деятель, романтический любовник, — этот Наполеон своим величием, славой, монументализмом в обычном понимании таких слов меня не заинтриговал.

Его личность занимает меня в совершенно ином плане, и я не скрываю, что поводом для того послужила книга Юлиуша Данковского «Узник Европы». Она — о сосланном на остров св. Елены Наполеоне, о судьбе диктатора в тот период его жизни, когда, отрезанный от всего мира, он мог лишь вспоминать о днях былой славы.

В этой ситуации меня заинтриговало состояние великого человека (потому что я не отказываю ему в титуле великого гения своей эпохи), который может теперь посмотреть на себя совершенно иначе, с другой точки зрения, более критично и в то же время более аналитично. Мне такой Наполеон кажется более интересным, более человечным. Поэтому мой фильм — это размышление и об одиночестве, и об умирании — не в биологическом смысле, а в интеллектуально-философском. Интеллект, который привык к величайшему напряжению, к борьбе с важными, серьезными проблемами, переживает пустоту. Это уход, а может быть, угасание великой индивидуальности, могучего ума.

Е. П.: Понимая ваш замысел, я все же не могу удержаться от замечания, что вы создаете свой фильм как бы наперекор польской традиции отношения к этой личности. Ведь культ Бонапарта у нас был — и все еще продолжает быть — очень распространенным, что нашло отражение и во многих фильмах. Лишь Вайда вслед за Жеромским в фильме «Пепел» более критично отнесся к Наполеону. Ваши слова заставляют вспомнить анекдот, рассказанный Талейраном в фильме Саши Гитри: Наполеон родился на острове, всю жизнь стремился завоевать остров, бежал с острова и, наконец, вынужден был оканчить свою жизнь на острове.

Е. К.: Что-то в этом есть. Остров в моем фильме играет определенную роль, но скорее в смысловом плане: как место обособленности. Ведь остров очень недоступен, окружен скалистыми берегами, вокруг океан, до ближайшей Африки — 1.500 миль. Итак, остров имеет символическое значение, и в то же время благодаря своей изолированности от мира он представляет собой место заточения гораздо худшее, нежели зарешеченная тюремная камера: ведь это также и психологическая тюрьма. Все это придает личности Наполеона на острове иной масштаб.

Е. П.: И в этом еще одна ирония судьбы. На острове св. Елены Бонапарт был пленником англичан — не австрийцев, русских или пруссаков, в битвах с которыми он выигрывал сражения и целые войны, а тех самых англичан, которых никогда не мог победить, несмотря на все старания. Итак, он в плену на острове у ненавистных островитян. Судя по вашему замыслу, фильм будет историческим, но с явным акцентом на психологизм, особенно если учесть ситуацию, в какой оказался Наполеон, и его неизбежные столкновения со стереотипами его англичанами. При его темпераменте стычки были неминуемы, мы ведь знаем, что этот фильм также и о борьбе Бонапарта с губернатором острова Гудзоном Лаувом. Фильм представляется мне скорее камерным, где необходимо филигранно оттачивать образы, характеры, выявлять скрытые страсти.

Е. К.: Я делаю фильм зрелищным, хотя задуман он действительно как камерный. Однако зрелищность достигается не за счет обширных пространств или грандиозных битв. Дело в том, что мне необходима определенная истори-

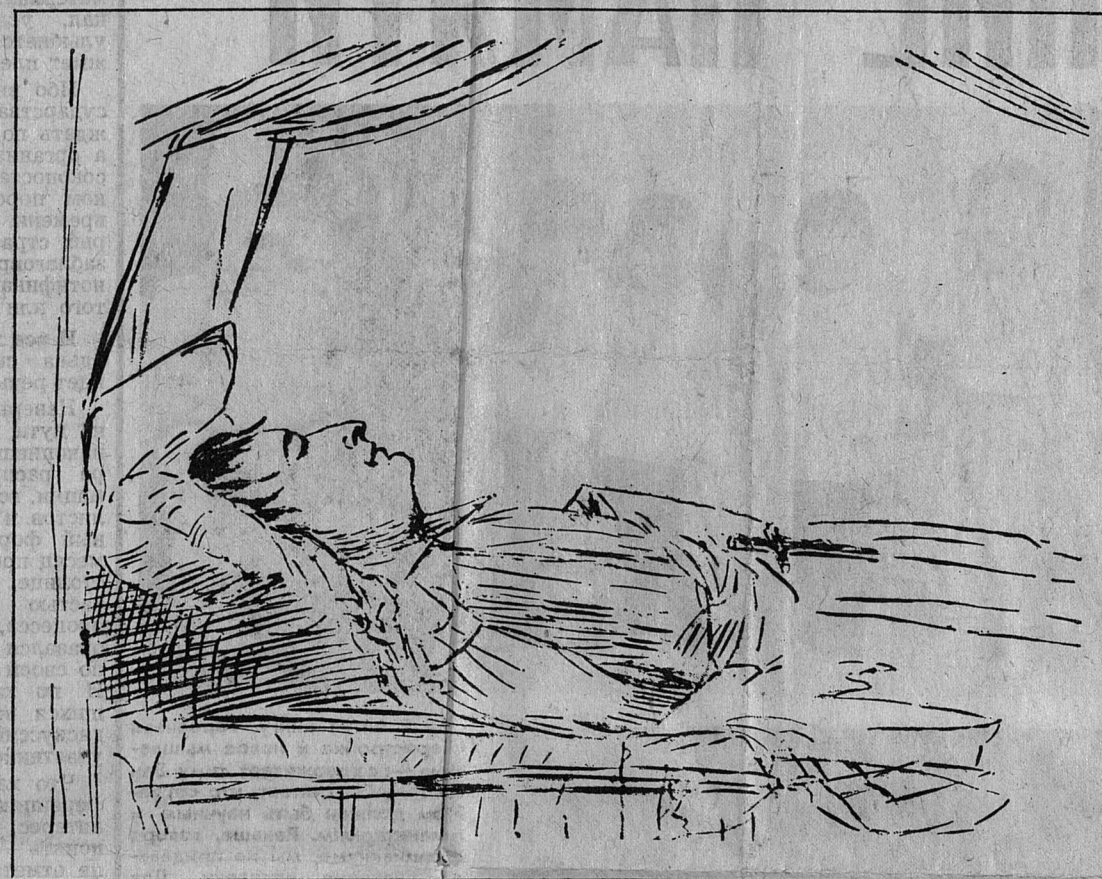
ческая перспектива, в которой разыгрывается действие. Это богатство костюмов, реквизита, многообразие типажей. Я иду путем, уже не однажды пройденным мною: в моих прежних фильмах удавалось достигнуть примет времени благодаря соответствующему подбору физиономий. Это очень помогает в воспроизведении исторической правды: ведь лицо в известном смысле отражает картину своего времени.

Е. П.: Наверное, вам пришлось посмотреть массу портретов и картин...

Е. К.: Вначале я собрал живописные портреты героев этой повести, всех, кто сопутствовал Наполеону во время его пребывания на острове. Под этим углом зрения подбирались и актеры. Удалось также найти артиста, по своей физической конституции очень похожего на Бонапарта, — это французский актер Ролан Бланш.

Е. П.: Создавались ли в этот период жизни императора его портреты?

НЕИЗВЕСТНЫЙ НАПОЛЕОН

Е. К.: Нет. Разумеется, мы располагаем множеством портретов периода славы и могущества Наполеона, однако представить, как же он выглядел в действительности, трудно. Существует, правда, его посмертная маска, выполненная доктором Антомарки.

Е. П.: Как же выглядел император на острове св. Елены?

Е. К.: Те, кто сопровождал его в изгнании, описывают его довольно карикатурно. По их словам, Наполеон был похож на толстого трактирщика. Он редко выходил из дому и вообще мало двигался, зато много ел и пил, а потому был довольно тучен и одутловат.

Как видим, образ Бонапарта в изгнании совершенно иной, и я стремлюсь именно к тому, чтобы показать его без пафоса и идеализации. Это не вождь на белом коне, это человек, которому на острове просто не позволяли оставаться французским императором. Было разрешено называть его только «генерал Бонапарт» — именно так к нему обращались англичане, что приводило его в неистовство. Однако его ближайшее окружение и французские друзья с величайшей почтительностью продолжали употреблять обращение «сир» или «Ваше Величество».

Е. П.: Генеральский титул, по-видимому, стал камнем преткновения и в отношениях Наполеона с губернатором Лаувом, приводя к постоянным конфликтам?

Е. К.: Да. Хотя Наполеон встречался с губернатором довольно редко — он вообще не желал его видеть, но порой приходилось. Тогда начинались ссоры, даже скандалы, которые и составляют историю конфликта между двумя

Фильмы о Наполеоне — великом императоре, полководце, государственном деятеле и романтическом любовнике — все это уже было... Польский кинорежиссер Ежи Кавалерович в своей новой картине предлагает поразмышлять «о судьбе диктатора в тот период его жизни, когда, отрезанный от всего мира, он мог лишь вспоминать о днях былой славы».
С Ежи Кавалеровичем беседует критик Ежи Пельтц.

вспоминания лечивший Бонапарта доктор О'Мира, ирландец, служивший в королевском военном флоте, а затем вследствие конфликта с губернатором покинувший остров. Опубликованные мемуары О'Мира дошли до Наполеона, который остался весьма недоволен своим портретом.

Е. П.: Разве эти мемуары были столь субъективны?

Е. К.: Скорее всего представления Наполеона о его ситуации, о положении пленника англичан, о его невзгодах в корне отличались от представлений армейского лекаря, к тому же принадлежавшего к неприятелискому лагерю. Мемуарист некоторые вопросы преувеличивал, некоторые опускал вовсе, но, вероятно, он имел право на собственную интерпретацию.

Е. П.: Полагаю, что, кроме этого источника, вам пришлось ознакомиться с огромным количеством биографий Наполеона, существующих на сегодняшний день.

Е. К.: Когда я решил на экранизацию книги Данковского, я начал собирать дополнительные материалы. Не только биографии, но прежде всего упоминавшиеся уже мемуары, среди них — особенно написанные Лаувом, Лас Казесом и другими. Таким образом была собрана довольно внушительная библиотека. Вы видите здесь десятки томов.

Правда, во всех биографиях Наполеона, даже наиболее известных и заслуживающих внимания, как, например, написанных Тарле или Людвигом, периоду пребывания Бонапарта на острове св. Елены отведено всего несколько страниц — обычно это эпилоги. По сути дела, вся информация сводится к сообщению о ссылке и смерти императора. Лишь у нашего Анджее Загорского написана 21 страница из 500.

Е. П.: Но о чем же писать, если на острове не происходило никаких драматических событий?

Е. К.: Да, событий, которые оказывали бы влияние на судьбы народов, не было. Однако были различные планы, концепции, замыслы, которые чрезвычайно занимали Бонапарта и окружающих его добровольных изгнанников. Существовали, например, проекты побега в Америку, которым Наполеон решительно противился. В моем фильме есть такая сцена: Наполеон высказывает опасение, что в Америке о нем забудут окончательно, тогда как об узнике англичан на острове св. Елены должен помнить весь мир. Пока он жил, о нем помнили, его боялись, ибо в памяти его многочисленных врагов еще был жив эпизод, называемый «Эльба и Сто дней». Ведь тот побег вызвал подлинный переполох и смутнение — достаточно было бы, чтобы нога императора вновь коснулась европейского континента...

Е. П.: Но вернемся к вашим источникам. Были ли публикации, целиком посвященные последним шести годам жизни императора?

Е. К.: На эту тему написано несколько книг, наиболее известна из них работа Поля Ганьере «Наполеон на острове св. Елены», есть также немецкие и чешские публикации. Естественно, я изучал исключительно этот, последний период жизни Бонапарта.

Е. П.: Поскольку литература, беллетризованные биографии, научные труды, многочисленные фильмы утвердили в массовом сознании образ Наполеона как завоевателя мира, гениального вождя, хотя личности противоречивой и неоднозначной в своих поступках, полагаете ли вы, что зритель примет замысел вашего фильма?

Е. К.: Для меня самое важное — это тема. Если 80 процентам людей тема знакома, тогда есть шанс, что фильм зрителя заинтересует. А именно такой темой является личность Наполеона. Скажите, а кто-нибудь знает, как умирал Наполеон?

Е. П.: По правде говоря, не знаю...

Е. К.: Даже те, кто всерьез интересуется этой эпохой, часто не помнят дату его смерти. Зато помнят даты знаменитых сражений: Маренго, Аустерлиц, Иена, Вагран, Бородино, Ватерлоо. Я утверждаю, что в своем фильме покажу его смерть.

Е. П.: Действие в фильме разворачивается вплоть до кончины императора?

Е. К.: Разумеется. Но я не показываю его похорон — ведь вам известно, что Бонапарт был похоронен дважды: на острове св. Елены и двадцать лет спустя в Париже.

Е. П.: А отчего он умер?

Е. К.: Вероятнее всего, от рака печени, хотя наукой это не подтверждено. Ему не было

пятидесяти двух лет. Существует также версия, что Наполеон был отравлен англичанами при помощи белого мышьяка, хитроумно запрятанного под обоями спальни императора. Об этом существует особая литература. Эта версия возникла после осмотра останков Наполеона, когда в его волосах обнаружили мышьяк.

Однако вскоре оказалось, что в минимальных дозах этот яд может существовать и в окружающей среде. Кстати сказать, Наполеон был одержим манией преследования — он постоянно уверял, что англичане хотят его отравить, хотя некоторые исследователи полагают, что это был сознательный тактический ход Бонапарта.

Е. П.: Работа над фильмом подходит к концу, вы уже начали монтаж. Когда мы увидим фильм?

Е. К.: Фильм должен быть вскоре закончен. Меня ждут еще постсинхроны: французско-английская языковая версия. Французы говорят между собой по-французски, англичане — по-английски, а англичане с французами — по-французски, так как дипломатическим языком тогда был французский.

Е. П.: Польская версия по необходимости будет сопровождаться титрами. Вы не собираетесь дублировать фильм?

Е. К.: Нет. Тогда фильм лишился бы аутентизма, подлинности, локального колорита, исчезли бы подлинные голоса актеров.

Е. П.: Каков опыт вашего сотрудничества с Сержем Зильберманом, известным продюсером фильмов Бунюэля, Курасавы? Полезна ли такая совместная работа?

Е. К.: Об этом можно будет судить немного позже, когда фильм встретится с польской и французской публикой. Но вообще-то в работе такого типа возникают большие трудности и диспропорции. Это столкновение двух совершенно разных систем, особенно в отношении экономики.

Однако совместное производство дает много определенных преимуществ. Например, работая за собственный счет, я не смог бы располагать такими великолепными костюмами — у нас просто нет таких материалов, аксессуаров, всех тех деталей, которые создают правду исторического костюма.

Без договора о совместном производстве я не смог бы пригласить французских и английских актеров, благодаря которым достигаются правда образов и атмосфера эпохи.

Е. П.: Если говорить об историческом фильме, то у вас уже есть подобный опыт — вспомним «Фараона».

Е. К.: В историческом фильме я также стремлюсь достигнуть человеческой правды, которая в то же время является правдой психологической. Если эту правду удастся выявить, тогда зрелище, спектакль убеждает зрителя. Вовсе не следует искать какой-то ключ, какую-то систему условностей, внушающую зрителю нечто не совсем соответствующее духу эпохи. Я полагаю, на собственную интуицию, и она меня, как правило, не обманывает. Вообще трудно говорить о неуловимом.

Е. П.: Как себя чувствует автор, делающий фильм о французской истории? Вы не первый, ибо Анджея Вайда сделал фильм о Дантоне, что имело отклик во Франции.

Е. К.: Я всегда вращался в кругу универсальных тем, которые не имели и не должны были иметь временных границ. Прус, правда, был сделан по-польски, но и повесть, и фильм имели универсальное звучание. «Мать Иоанна от Ангелов» Ивашкевича также была по-польски, но сама фабула была привнесена писателем из иного круга культуры. Когда-то я мечтал об экранизации «Камо грядеши» — и вновь сходная ситуация. Поэтому я не испытываю особых трудностей в переводе судьбы Наполеона на язык кино, особенно потому, что здесь более важна биография, чем фрагмент чужой истории.

Е. П.: В начале нашего разговора отмечалось, что ни один польский режиссер, обращающийся к образу Наполеона, не миновал Обасиерры, Варшавского княжества, русской кампании, что обманутые надежды, связанные с той эпохой, всегда присутствуют в таких фильмах. Интересно, будет ли в вашем фильме хотя бы упоминание о Польше и поляках?

Е. К.: Видите ли, я думал об этом. Однако в конце концов пришел к выводу, что к своему замыслу надо относиться бережно и ничего не делать через силу. Единственную возможность вспомнить о Польше давала личность капитана Пентковского, некоторое время жившего на острове. Однако эта фигура не до конца ясно определена, да и Наполеон не слишком высоко ценил капитана. В итоге места в сценарии ему не нашлось.

Е. П.: Спасибо за беседу.

(Еженедельник «Культура», Польша).
● Луи Маршан. «Наполеон на смертном ложе». (Рисунок, 1821).